Про старого

Ай да не близко от города, не далёко же,
Не далёко ё от Киева — за двенаццэть вёрст,
Там и жили на за́ставы буга́тыре,
Караулили-хранили стольнёй Киев да град,
Не видали не конного, не пешёго,
Не прохожёго, ни ле проежжёго.
Э да их было двенаццеть все бога́тырей:
Да за ста́ршого был Илья Муромеч,
Под им был Самсон да Колыбанович,
Ай Добрыня да был у ёго во писарях,
А Олёша жил во конюхах,
Кабы Мишка Торопанишка чашки-ложки мыл,
Чашки-ложки мыл да поварёночки.
Да не серой-ёт волк не прорыскиват,
Да не черной медвед не прохаживат,
Да вставаёт старо́й да по ютру рано́,
Да й выходит старой вон на юличю,
Да берёт-де старо́й да подзорную трубочку.
Да он и смотрит под сторону под западню —
Кабы там да стоят горы ледяныя.
Посмотрел под сторонушку под северну —
Кабы там да стоит морё синёе.
Посмотрел под сторону обедничну —
Кабы там стоит да полё чистоё,
Ай ведь ездит боґатырь забавляетцэ,
Кверху он стрелочку постреливат,
На сыру землю́ он стрелку не юраниват,
На лету́ ту стрелочку подхватыват.
На одном-то колене держи́т чернильницу,
На друго́м-то колене дёржи́т гумажечку,
И пишет бога́тырь скорограмотку.
Ай подъеждяёт бога́тырь к белу́ шатру,
Подбрасывает грамотку старо́му казаку.
А и берёт старо́й эту грамотку,
Да заходит старо́й во белой шатёр,

Заревел-закричал громким голосом:
«Не́ время нам спать, пора встова́ть,
От великого вы сону пробужатися,
От великого хмелю просыпатися!»
А вот скокали ребята на резвы́ ноги́,
Умывались ребята ключевой водой,
Утирались чистым полотенышком.
Вот и стал читать ста́рый скорограмотку:
«Уж я еду-де к вам в стольный Киев-град,
Греметь-шурмовать у вас в стольнем Киеве,
Стара́ казака к себе в полон возьму,
Молоду́ его кнегину за себя возьму,
Добрыню Микитичя во писари,
А Олёшу Поповиче во конюхи,
Как бы Мишку Торопанина чашки-ложки мыть,
Чашки-ложки мыть да поварёночки.
Белой я шатёр у вас на дым спущу,
А светые иконы на поплав воды».
Ай вот и стал старо́й их выспрашивать:
«Да кого мы пошлём да во чи́сто полё,
Во чисто́ полё пошлём да за бога́тырем?
А послать нам Мишку Торопанишку,
А у нас Мишка роду торопливого —
Заеви́т потерят свою буйну го́лову.
А пошлём мы Добрынюшку Микитичя,
Добрыня роду у нас вежливого:
Он умеет с бога́тырем съехатьсэ,
Он умеет бога́тырю ведь честь воздать».
Вот и стал тут Добрынюшка срежатисэ.
Только видели, как Добрыня на коня вскочил,
Только видели: Добрыня в стременя ступил.
Только видят: в чистом полё курева́ стоит,
Курева́ стоит да дым столбом валит,
У коня изо рту пламя мечетцэ,
У коня́ из ноздрей искры сыплютцэ,
А и хвост трубой да завиваетцэ.
Подъеждяёт Добрыня да ко бога́тырю,
Заревел тут Добрыня во пе́рвой нако́н:
«А и куда ты едёшь, куда путь дёржишь?»

А на ето бога́тырь не ёслушался.
Заревел-закричал ны второй нако́н:
«Ах ты ле́тишь, ворона пустопёрая,
А и ты ле́тишь, сорока загумённая,
Не воротишь к нам на за́ставу караульнюю!»
А на ето бога́тырь поворот даёт.
Налетел тоґда бога́тырь на Добрынюшку —
Сосвистнул он Добрыню со добра́ коня,
Да и дал ему по жопы два потяпыша,
Да и прибавил ему два алабыша.
Посадил его назад на добра́ коня́:
«Поеждяй ты, Добрыня, во белой шатёр,
Да скажи от мене старичку низкой поклон,
Да пускай вами, гавнами, не заменеетця,
Самому ему со мной не поправитцэ».
Ай видят: идёт Добрыня не по-старому,
А и конь-то бежит не по-прежному,
Повеся́ он дёржит буйну го́лову,
Потопя́ он дёржит да очи ясныя.
Подъезждяёт Добрыня да ко белу́ шатру,
Да заходит Добрыня во бело́й шатёр.
Вот и стал его старой выспрашивать,
А и стал ему Добрынюшка рассказывать:
«Да послал он тебе со мной низкой поклон,
Не велел он гавном заменятися,
Самому ему со мной не поправитцэ».
А ю старо́го тут плеча́ да расходилися,
Да и глаза у его да помутилися,
Заревел он, закрычал громким голосом:
«Вы уздайте-седлайте коня доброго,
Коня доброго уздайте его со восьми чепе́й!
Не успеете вы, говорит, горшка́ сварить,
Привезу я таторьску бу́йну голову!»
Вот и стал тут старо́й тут срежатисе,
Да и стал тут старо́й надеватисе.
Надеваёт он латы тут богатырские,
Надеваёт он шляпу на одно ухо́,
На право́м-то плечи́ черно́й воро́н,
На лево́м-то плечи́ всё орёл сидел.

Ай да не видели старика, как на коня скоцел,
Только видели: старо́й в стремена́ ступил,
Ай да увидели: в чистом поле курева́ стоит,
Курева́ где стоит да дым столбом валит,
У коня из роту пламя мечитцэ,
У коня из ноздрей да искры сыплютцэ,
Ах хвост трубой да завиваетцэ.
Полетел старичок во чисто́ полё.
Подъеждяет старо́й да к бога́тырю.
Заревел тут старо́й да во пе́рвой нако́н:
«А куда же ты едёшь, куда путь дёржи́шь,
Не воротишь к нам на заста́ву?
Ай неужели нас, бога́тырей, ничем зовёшь?»
Ай на ето бога́тырь не ослушелся.
Заревел тоґда старо́й на второ́й нако́н:
«Ах ты лети́шь, воро́на да пустопёрая,
Ах ты лети́шь, сорока загумённыя!»
А на ето богатырь поворот даёт.
А не две тут тучи столконулисэ —
Два бога́тыря тут съезжалисэ.
Задрожала тоґды мать сыра земля.
Они бились-хвостались целы суточки —
У их палицы до рук да обломалисэ.
Они бросили тут бой о сыру́ землю́,
Схватали копеица оны булатныя,
Они тыкались-дрались вторы́ суточки —
А копеиця у их да изломалисэ.
Они бросили тот бой о сыру́ землю́,
Да скочили тоґды со добры́х коне́й,
Да схватились ёни во охабочку.
Они бились-боролись да третьи суточки —
А похвальнёе слово старо́го спутало:
Одна-то нога́-то подкатнуласэ,
А другая нога́-то подломиласэ,
Вот упал тоґды ста́рой на сыру́ землю́.
Заскочил ему тоґда́ бога́тырь на белы́ груди́,
Он разо́рвал ведь латы богатырския,
Да и вытащил чинжалищо булатноё,
Замахнулса ему да во белы́ груди́.

Ай да взмолилсэ старо́й да Богородицы:
«Пресветая ты мати да Богородиця,
Почему ты меня да это выдала
Черны́м воро́нам да на расклёваньё,
А люты́м зверя́м на растёрзаньё?
А стоял я за веру за Христовую,
А молилсэ всеґда да Боґородицы!»
А не ветру полоска тут махнула —
Вдвое-втрое у ста́рого силы при́было.
Сосвисну́л он бога́тыря со белы́х груде́й,
Заскочил он е́му на белы́ груди́.
Он разо́рвал латы да богатырския,
Да и вытащил чинжалещо булатноё,
Замахнулсэ ему да во белы́ груди —
В плече его рука́ да застояласэ.
Вот и стал его ста́рой тоґда распрашивать:
«Да какого ты роду, какого племене,
Но как же тебя зовут по емени?» —
«А коґда был я у тебя на белы́х грудя́х,
Я не спрашивал ни роду, ни племене».
Замахнулсэ старо́й на второй након —
В локтю рука да застоялосэ.
Вот и стал его ста́рой выспрашивать:
«Да какого же ты роду, какой племене,
Но как же тебя зовут по емене?» —
«А коґда был я у тебя на белы́х грудя́х,
Я не спрашивал у тя ни роду, ни племене».
Замахнулсэ ста́рой на третéй нако́н —
В заветье́ рука да застоялосэ.
Вот и стал его старик выспрашивать:
«Да какого роду, какой племене,
Но как же тебя зовут по емене?» —
«Ай я еду из-за мо́ря, бога́тырь же,
А мне не много веку, только двенаццеть лет.
У мня мати богатыриця, полениця уже,
А отец мой — он прохожой молодець».

Тогда скочил старой со белы́х груде́й и поставил его на резвы́ ноги́ и поцеловал его дважды: «И ты
будешь мене сынок, и я тебе буду татенька. Поедем со мной во бело́й

шатёр». А он сказал ему: «Не еду
я с тобой во бело́й шатёр. Поеду назад за синё морё. За синё море поеду, — говорит, — к ронной матушке.
И приедем мы обои с матерью».

Распростелись и приеждяет к ронной матери, встретила его родима матушка: «Где же ты, дитятко,
побыл, чего же ты, дитятко, пови́дал?» — «Был я в стольнем Киеве и видел там базыкову коровушку,
и она зовет тебя б<лядкою>, а меня выб<лядком>». Вытащил чинжалищо и шарнул матери в гру́ди.
И завернул коня и поехал опять в стольный Киёв-град.

Подъеждяет ко белу́ шатру. Соскочил со́ добра́ коня и забежал во бело́й шатёр. А старо́й со великого
устатку спит богатырским сном, не слышит. Вытащил он чинжалищо булатноё и шарнул старо́му во белы́
груди́. Погоди́лся у старо́го на груди́ старинный чуден крест. Угадал он в этот самый крест. Соскочил
тоґда старо́й на резвы ноги́, схватил Сокольника за белы́ кудри́, хвосну́л его о дубовый пол, на одну́
руку́ наступил, другу́ ото́рвал, наступил на одну ногу́, другу́ ото́рвал и выбросил его на улицу и опять
лёг спать. *(Тут конець, пожалуй.)*

(Зап. Астаховой А. М.: 10 июля 1929 г., д. Аврамовская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Еремея Провича, 39 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.